
Информационная империя: миф или новый сетевой мир?

Аннотация. В работе проанализированы риски суверенитета государств на фоне распространения сетевых коммуникаций. Автор изучил специфику «цифрового суверенитета» стран и пришел к выводу о постепенном формировании глобальной «информационной империи», становящейся активным игроком международных отношений.

Ключевые слова: информационная империя, сетевые технологии, информационные войны, международные отношения, колонии, метрополия.

Автор

Федорченко Сергей Николаевич,
кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры политологии и права МГОУ
(Москва, Россия).

Мощнейшее развитие Интернета оказывает огромное влияние на современные международные отношения по многим причинам. Появление сетевых коммуникаций открывает новые возможности для различных государств. Это не только интернет-дипломатия и трансграничная интернет-торговля, но и растущий дискурс по самым актуальным политическим проблемам. Но какую роль играют сетевые технологии в системе международной политики: рога изобилия или ящика пандоры? Попробуем в этом разобраться.

Тень империи

Принято считать, что классические имперские образования уже не существуют. Действительно, Британская, Испанская,

Французская и другие империи давно сошли с исторической сцены. Тем не менее, есть некоторые основания для применения категориального аппарата империи, метрополии, колонии, империализма при анализе современной информационной политики. Империй (власть, от. лат. *impega* — командовать) раньше обозначал высшую власть магистратов в древнеримской военной и гражданской сфере [10. — С. 35–47], позже терминология стала применяться в отношении монархий с единым политическим центром, имеющих колониальные территории и ведущих соответствующую империалистическую политику — захватнические войны, экономическую и политическую экспансию. На первый взгляд может показаться, что терминология империи довольно архаична, экзотична и малоприменима к современной международной политике, где есть фактор

Информационная империя: миф или новый сетевой мир?

демократических стран, парламентаризма и партийной конкуренции, препятствующие возведению политического доминирования в степень абсолюта. Вместе с тем, следует помнить, что перечисленные признаки принадлежат яркой, но сравнительно недавно возникшей западной модели демократической политической системы, в то время как история имперских образований насчитывает многие столетия.

Имперские формы приобрели со временем самый разный политический камуфляж. Даже достопамятные античные Афины вскоре после победы над персами установили гегемонию над своими прежними союзниками по Делосскому союзу и превратились в державу, ухитрившись сохранить в самой метрополии демократическое устройство. Также очевидно, что Соединенные Штаты, являясь по сути демократической политией с развитой избирательной формулой, сохраняют военно-политический блок НАТО для усиления и распространения собственного политического господства, защиты и контроля своих геополитических кодов. Демократия, как это ни парадоксально прозвучит, порой отбрасывает малозаметную тень империи.

М. Манн, профессор социологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, открыто называет США первой глобальной империей, указывая на ее мессианско-эсхатологический признак: раньше римляне оправдывали свою политическую экспансию тем, что несут порядок и правосудие, испанцы — слово божие, британцы — свободную торговлю, французы — цивилизацию, теперь американцы обосновывают свое вмешательство распространением демократии [7. — С. 39–40]. Такое понимание Манн выводит на основе своей теории четырех источников власти (идеологического, экономического, военного и политического), одновременно анализируя глобализацию капитализма и изменение статуса национального государства.

Российский профессор С. И. Каспэ предлагает более широкий формат для этого явления, обозначая его как «империя За-

пада». По его мнению, имперский дискурс и соответствующие сакральные ценности никуда не исчезли после краха Западной Римской империи. Действительно, средневековые политии преодолели дефицит своей легитимности, опираясь на историческое прошлое. Феникс империи буквально возрождался из пепла при Карле Великом и Наполеоне. Нынешняя империя Запада (США и Европейский Союз) достигла некой универсальности, опутав мир своими сетями, ценностями и инфраструктурой [5. — С. 148–160]. Каспэ считает степень конфликтности между американской и европейской частью Западной империи излишне преувеличенной — они всегда смогут договориться между собой по общим проблемам, несмотря на латентные противоречия.

Остается вопрос о совместимости признаков подобной империи (как правило, имеется в виду высокая концентрация власти) с кажущейся свободой сетевой коммуникации. Наивно полагать, что Интернет является абсолютно независимым форумом для демократического дискурса. Теория графов говорит обратное [9. — С. 7] — в интернет-коммуникациях учеными хорошо фиксируется явление сетевой централизации. В этом случае власть обнаруживается в так называемых центральных узлах сетевых коммуникаций, контролирующих потоки информации. Центральные узлы (новостные агентства, интернет-порталы, блоггеры, а также связанные с ними медиамагнаты, олигархи и политики) производят, фильтруют и перерабатывают информационный контент, от которого всецело зависят его потребители — периферийные узлы (граждане и различные организации). При этом часто забывается, что роль центрального узла может взять государство или группа стран, ставящих остальных участников международного сообщества в положение зависимых периферийных потребителей. Здесь работает печально известный «принцип Майнота», когда владелец информации занимается ее умышленным сокрытием или искажением для собственной выгоды и

в ущерб интересам, безопасности, правам и свободам граждан.

Исследователи, уделяющие внимание обозначенной проблеме, ссылаются на так называемый информационный империализм [4. — С. 31] как разновидность империализма культурного, характеризующего общее использование политического, экономического и технологического могущества для распространения ценностей и традиций, а также ведущего к ассимиляции или вытеснению национальной культуры. Ничего нового в этом нет — вспоминаются исторические прецеденты масштабной эллинизации и романизации зависящей от греческой и римской культуры ойкумены. Сторонники эволюционного подхода определяют подобное допустимым и закономерным процессом победы сильной культуры над менее приспособленными к новым условиям культурами [15. — С. 38–53]. Оппоненты обвиняют эту модель в социал-дарвинизме, не считая прогрессом замену ценностей хрупкой культуры ценностями культуры более агрессивной группы [16. — С. 47–64].

Информационная империя черпает свое могущество из культурных индустрий, являющихся важными поставщиками контента в развитии коммуникационных технологий. Культурные индустрии (Голливуд, шоу-бизнес, анимация, комиксы, компьютерные игры, современная музыка, литература, мода, искусство и т. п.), сложившиеся в западных странах, фактически превратились в те стандарты, которые определяют аксиологию культурных товаров и услуг в обществе потребления [12. — С. 190]. Можно это называть глобализацией либо вестернизацией, смысл один — навязываемые новыми медиа и средствами пропаганды социальные и политические стереотипы приводят к долгосрочному росту спроса на эти самые культурные товары и услуги.

Расцвет технологий Web 2.0 предоставляет новые возможности не только для демократического транзита, но и для появления замаскированных информационной средой гибридных неоавторитарных практик через разработку необходимых

для властных элит сетевых алгоритмов [13. — С. 985–1002]. Вместе с тем, подавляющая часть населения мира воспользоваться новыми знаниями о самих сетевых технологиях не может, так как просто не понимает терминологию английского языка, на котором эти знания представлены и который практикуют порядка 80 % web-сайтов. Достаточно вспомнить исследование ЮНЕСКО, свидетельствующее, что на долю США сегодня приходится до 65 % потока информации, циркулирующей в сетевых и других мировых коммуникациях [4. — С. 278, 329]. Именно эти ресурсы выступают центральными и союзными узлами информационной империи, товарными стереотипами ее американизированных и вестернизируемых культурных индустрий. Периферийные узлы сетевой коммуникации тонут в информационном шуме из ненужной, ложной и некачественной информации. Кстати, на этом основан американский принцип засекречивания информации, заключающийся в преднамеренном добавлении к ней не только правдоподобных, но и липовых сообщений.

Если исходить из понимания политики не только как politics — процесса борьбы за удержание и завоевание власти, но и как policy — всей деятельности (в том числе информационной) по формированию, обсуждению и реализации властных решений множеством акторов [11. — С. 9–10] (помимо государственных, в том числе и сетевых — блоггеров, пользователей Интернета), то информацию можно рассматривать в качестве мощнейшего властного ресурса, а не лишь пассивного сопутствующего явления. Такой подход позволяет посмотреть на феномен империи как высокой концентрации власти в сети в несколько ином формате. Следует подчеркнуть, что терминология империи в информационном поле, конечно, во многом условна и предполагает весьма приблизительный категориальный аппарат. С большой долей оговорок можно проанализировать информационную империю как глобальный сетевой механизм, включающий информа-

Информационная империя: миф или новый сетевой мир?

ционную метрополию, информационные доминионы и информационные колонии. Метрополия (в основном, США) выступает ядром этой информационной системы и выстраивает отношения с зависимыми информационными колониями (большинство стран-потребителей контента) с помощью своих ближайших союзников — информационных доминионов. Против тех государств, которые по каким-то причинам не стремятся интегрироваться в данную структуру, как правило, ведутся информационные войны. Фактически, в этом проявляется информационный империализм.

Сеть versus суверенитет

Краеугольным камнем сложившейся системы международных отношений логично назвать суверенитет государств, который закреплен в Уставе ООН. Исходя из этого принципа, все страны равны друг другу, и каждое государство оказывается носителем верховной власти в пределах собственной территории. Соединенные Штаты, как метрополия складывающейся глобальной информационной империи, не могут полностью игнорировать эту международную норму, поэтому они практикуют *soft power* — «мягкую силу» для достижения политического доминирования через новейшие сетевые технологии, которые на деле преодолевают классические границы государств. Сегодняшний глобальный рынок коммуникаций подчинен непропорционально большому контролю со стороны десятка вертикально интегрированных медийных конгломератов, основные из которых находятся в США [6. — С. 88–89].

Soft power информационной метрополии отчетливо наблюдается в том, что отдельные исследователи называют «цифровым суверенитетом», определяя его как возможности государства самостоятельно определять свои внутренние и внешние политические и геополитические интересы в информационной сфере, независимо выбирать курс внутренней и внешней инфор-

мационной политики, распоряжаться собственными информационными ресурсами, а также гарантировать цифровую безопасность гражданина, общества и страны в целом [3. — С. 123]. Устоявшийся стереотип о том, что Интернет — вселенная без границ, не выдерживает критики в свете последних исследований процедур распределения так называемых доменных имен.

Интернет, естественно, не имеет политических границ в классическом понимании, однако он является довольно неоднородным пространством, делящимся на различные зоны. Здесь искажается международная система суверенитета — вся полнота власти над доменными именами сосредоточена у США, остальные страны являются лишь арендаторами своих кибертерриторий (доменов). Последние играют роль уникальных идентификаторов государства в сети (например, для России — .RU, для Австралии — .AU), именно от доменов зависит качество информационной коммуникации, загрузки сайтов и работы электронной почты (неслучайно английское *domain* переводится как «владение», «территория»).

Национальные домены — это еще и символический ресурс, связанный с имиджевыми характеристиками конкретной страны, ее политической и экономической мощью, культурным влиянием. На этом фоне примечательно, что общую координацию над системой доменных имен осуществляет некоммерческая корпорация по присвоению имен и номеров в Интернете — ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers), располагающаяся в Калифорнии и подотчетная Министерству торговли США [1. — С. 307–314]. Корпорация принимает решение о создании новых национальных доменов, удалении существующих и делегировании права их администрирования. Такая ситуация — явное свидетельство фактора информационной метрополии, поэтому нет ничего удивительного в том, что Россия стремилась получить кириллический домен.РФ, а международное сообщество настояло над общей отчетностью ICANN.

Традиционный суверенитет сталкивается с новыми трендами — если в свое время возникновение массового книгопечатания способствовало переходу средневековых политий к модели национальных государств, то в настоящее время активное распространение Интернета подталкивает примат государства-нации, дополняя ее территориальную базу сетевой, не привязанной к определенному пространству. Значение информационной безопасности государства и его цифрового суверенитета актуализируется современными правительствами неслучайно — те государства, которые не задумываются о последовательной государственной информационной политике, превращаются в информационные колонии.

В случае, если население и бизнес не хотят по разным причинам ассоциировать себя с тем государством, где физически существуют, и регистрируются на доменных именах других государств, то информационный суверенитет страны ослабевает. Иными словами, размеры виртуальных двойников государств могут вовсе не совпадать с их реальными прототипами [2. — С. 17]. Это легко определить — у виртуальных стран-гигантов более миллиона регистраций на их доменных именах, тогда как у виртуальных микростран будет весьма скромное количество регистраций пользователей.

Кроме метрополии, создающей «правила игры» в сетевом поле, а также зависимых от ее контента колоний, среди стран можно выделить информационные доминионы. В классическом понимании исторический доминион — это фактически независимое государство в структуре Британской империи, признающее власть метрополии, но сохраняющее определенную автономию. Схожие элементы можно выявить и в структуре информационной империи — США нужны союзники, на которых можно положиться в тех же кибервойнах.

Доказательством активности имперских доминионов разумно назвать программу Five Eyes [14. — С. 51–57], объединяющую пять государств в элитный альянс. Государства в таком альянсе получают воз-

можность обмениваться между собой самыми современными технологиями и информацией более свободно, чем с другими игроками международной политики. Элитная когорта стран представлена Агентством национальной безопасности США (NSA), Центром правительственной связи Соединенного Королевства (GCHQ), Центром безопасности коммуникаций Канады (CSEC), Управлением радиотехнической обороны Австралии (ASD) и Службой безопасности правительственных коммуникаций Новой Зеландии (GCSB). Посредством TEMPORA, XKEYSCORE и других программ страны этой группы фактически нарушают приватность чужой информации, получая к ней широкий доступ.

Справедливости ради стоит подчеркнуть, что существуют государства, которые по уровню развития интернет-коммуникаций очень близки к информационным доминионам Five Eyes. К ним можно причислить Нидерланды, Швецию, Данию, Японию и Южную Корею. Особенно это понятно на основе сопоставления уровня сетевого прогресса по четырем индексам (Рейтинг стран мира по уровню развития электронного правительства, Индекс развития информационно-коммуникационных технологий в странах мира, Индекс развития Интернета в странах мира, Индекс сетевой готовности) [8]. Названные страны постепенно встраиваются в формат информационной империи, а не просто являются союзниками ее метрополии, что видно на примере совместных пропагандистских акций, а также в практике ведения общих информационных войн. Несмотря на их развитую информационную инфраструктуру, цифровой суверенитет этой группы стран также находится под угрозой и зависит от лояльности/оппозиционности по отношению к США. Подобная ситуация отдаленно напоминает отношения Рима с «друзьями и союзниками римского народа».

Подводя итоги, важно заметить, что несмотря на условную терминологию «информационной империи», среди современных акторов международных отноше-

Информационная империя: миф или новый сетевой мир?

ний всегда найдутся недовольные подобной ситуацией. Часть правительств всерьез опасаются новых разновидностей информационных войн, в рамках которых происходят «цветные революции» и другие перевороты. Например, информационному империализму США старается противостоять Китай, политика которого получила название «Великая китайская огненная стена». Принципы этой стратегии подразумевают ответные технологии контроля контента, перенаправления пользователей на другие сайты, замедления интернет-соедине-

ний, рекрутирования лояльных пользователей, защищающих официальный Пекин в сети, а также работу системы «нейкан», фильтрующей конфиденциальные новости [6. — С. 249–267].

Активную цензуру в сети пытаются применять также власти Ирана, Саудовской Аравии, ОАЭ, Кубы, Йемена, Эритреи, Бирмы и других стран, но это не решает проблему рисков для суверенитета современного государства, важнейшим элементом которого все больше становится управление информационными потоками.

Литература

1. *Барина Д. С.* Национальные домены: символы государственных границ и безграничных возможностей // Вестник МГИМО — Университета. — 2010. — № 5. — С. 307–314.
2. *Барина Д. С.* Асимметрия политического пространства Интернета // Международные процессы. — 2011. — № 1 (25). — Т. 9. — С. 17–19.
3. *Дубов Д. В.* Кибермогущество как базис обеспечения «цифрового» суверенитета в современном мире: ключевые подходы // Проблемы национальной стратегии. — 2014. — № 4 (25). — С. 123.
4. Информационная эпоха: вызовы человеку / Под ред. И. Ю. Алексеевой и А. Ю. Сидорова. — М.: РОССПЭН, 2010. — 335 с.
5. *Каспэ С. И.* Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. — М.: РОССПЭН, 2012. — 191 с.
6. *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа. — М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. — 312 с.
7. *Манн М.* Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом. — М.: Изд. дом. ВШЭ, 2014. — 208 с.
8. Рейтинги стран и регионов. — URL: <http://gtmarket.ru/research/countries-ranking> (дата обращения: 30.03.2016).
9. *Савин Л. В., Федорченко С. Н., Шварц О. К.* Сетецентрические методы в государственном управлении. — М.: «Сам полиграфист», 2015. — 146 с.
10. *Сморчков А. М.* Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. — М.: РГГУ, 2012. — 602 с.
11. *Сунгуров А. Ю.* Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. — М.: Политическая энциклопедия, 2015. — 383 с.
12. *Тросби Д.* Экономика и культура. — М.: Изд. дом. ВШЭ, 2013. — 256 с.
13. *Beer D.* Power through the algorithm? Participatory web cultures and the technological unconscious // New Media & Society. — 2009. — Vol. 11. — № 6. — P. 985–1002.
14. *Nyst C., Crowe A.* Unmasking the Five Eyes' global surveillance practices // Global Information Society Watch 2014: Communications surveillance in the digital age. Ed. by A. Finlay. August 18, 2014. — P. 51–57.
15. *Rothkopf D.* In Praise of Cultural Imperialism? // Foreign Policy. — 1996. — № 107. — P. 38–53.
16. *Weckert J.* What is New or Unique about Internet Activities? // Internet Ethics. Ed. by D. Langford. — L.: Macmillan Press, 2000. — P. 47–64.